

ТОМАС МЭЛОРИ (ок.1418-1471)

Томас Мэлори (Thomas Malory) родился ок.1418 г. В возрасте 23 лет он был возведён в рыцарское достоинство (1441), воевал во Франции, неоднократно избирался членом Парламента. Однако политика – дело опасное, а во времена междоусобной войны – особенно опасное. В 1450 году политические противники обвинили его во всевозможных преступлениях (вооружённый мятеж, покушение на жизнь важного лица, кража скота, изнасилование женщины, ограбление местной церкви, незаконная охота и пр.), и следующие двадцать лет он провёл в ожидании суда в заключении, лишь не надолго выходя время от времени на свободу с помощью влиятельных друзей. Чт_о в этих обвинениях правда, а чт_о ложь, – неизвестно, потому что суд над ним так и не состоялся.

Несколько раз он пытался бежать, но безуспешно. В 1455 году он был "прощён", но вскоре оказался в долговой тюрьме. Семь лет спустя (1462), новый король (Эдуард IV) даровал ему прощение и взял его с собой на войну против мятежников в северной Англии. После войны, Мэлори удалось вернуть своё поместье (1464), и некоторое время он наслаждался маленькими радостями тихой семейной жизни. Однако вскоре (1468) политическая ситуация опять изменилась, и он снова оказался в заключении (по обвинению в заговоре против короля). Впрочем, содержали его в приличных условиях. В лондонском Тауэре он имел возможность пользоваться богатейшей библиотекой и посвятил свой вынужденный досуг литературной деятельности. Там, в Тауэре, он и написал книгу, которая обессмертила его имя. Сборник обработанных им легенд о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола – "Смерть Артура" (*Le Morte D'Arthur*, 1470) – был издан английским первопечатником Уильямом Кэкстоном (1485) и пользовался популярностью в течение нескольких столетий, особенно – на волне всеобщего увлечения средневековьем в XIX веке.¹

"СМЕРТЬ АРТУРА"

[Король Бан и король Борс и ныне делали своё чёрное дело], великого сожаления достойна их злонамеренность.

"Великого сожаления достойна их злонамеренность" – так выражается человек, который, из-за происков недоброжелателей, почти всю жизнь прожил в заключении!

Сэр рыцарь, – сказал кроль Артур, – по какой причине расположился ты тут, так что никому нет этой дорогой проезда, покуда не вступят с тобой в поединок? Повелеваю тебе оставить этот обычай.

Поглядела девица на доброго рыцаря и видит: собой он хорош, но из-за того, что его одежда была бедна, не верилось ей, что он славный рыцарь без низости и обмана.

---

¹ Русский перевод этой книги с изящными иллюстрациями Обри Бердсли (Aubrey Beardsley) вышел в серии "Литературные памятники" в 1974 г.

! Король Риенс задумал оторочить себе мантию королевскими бородами и как раз не хватало на одну полу, потому он и прислал за бородой Артура.

[Артур]: Добро Вам пожаловать, король. Какой случай привёл Вас сюда?

[Риенс]: Сэр, меня привёл сюда несчастный случай.

И поведала она королю и Мерлину, что однажды, когда она была ещё девицею, пошла она доить коров и там повстречался ей рыцарь горячий и почти силой (!) лишил её девственности.

Рассказ о рыцаре Пелеасе:

[сэр Гавейн] – Что это за рыцарь в вашей стороне, что один смог победить десятерых? И после такого мужественного подвига он позволил связать себя по рукам и ногам и увезти прочь!

– О, это лучший на свете рыцарь и доблестнейший муж, но он достоин превеликого сострадания: ведь то, что произошло сегодня, уже случалось с ним более десяти раз. Имя же ему – сэр Пелеас. И он любит одну знатную даму по имени Этарда. Случилось однажды, что стали сзывать рыцарей по всей стране на трёхдневный турнир, и съехались туда все рыцари и все дамы. Победителю турнира назначен был в награду добрый меч и золотой венец, и тот венец победивший рыцарь должен был вручить прекраснейшей из дам, какие собрались на турнире. Всех рыцарей там намного превосходил силою и искусством сэр Пелеас, а было там пять сотен рыцарей! Но из них не было ни одного, кого сэр Пелеас не вышиб бы из седла или не сбил бы с ног. И награда досталась ему. А он преподнёс венец леди Этарде.

Так вот он избрал её своей дамой и госпожой. Но она была так горда, что презрела его и отвергла, сказав, что никогда его не полюбит, пусть бы он хоть и умер за неё. Все дамы осудили её за такую гордость (а были там дамы и покрасивее, чем она). А сэр Пелеас поклялся, что не отступится, пока она его не полюбит. Вот так он оказался здесь и проводит свои дни поблизости от её жилища, а ночи – в монастыре. А Этарда каждую

неделю высылает против него рыцарей. Он же, одолев их всех, нарочно даёт им захватить себя в плен, потому что только так он может увидеть свою даму. А она обращается с ним всегда презрительно и жестоко: иной раз велит своим рыцарям привязать его к хвосту лошади, иной раз – подвязать лошади под брюхо. И таким постыдным способом доставляют его к ней. И всё это она делает, чтобы заставить его уехать и отказаться от своей любви... "Увы, – сказал тут сэра Гавейн, – мне очень жаль его. Утром я отыщу его в лесу, чтобы оказать ему помощь, какую смогу".

И вот наутро сэра Гавейн распрощался со своим хозяином и поехал по лесу. Наконец, он встретил сэра Пелеаса, предававшегося горю и громко стонавшего. Они приветствовали друг друга и сэра Пелеас поведал сэру Гавейну свою историю.

– Если бы я не любил её так сильно, я бы предпочёл сто раз умереть, нежели терпеть все её надругательства; но я верю, что в конце концов она сжалится надо мною. Ведь любовь многих славных рыцарей принуждала страдать ради того, чтобы добиться желанной цели. А мне, увы, нет удачи. И он так горько заплакал, что едва не упал с лошади (!)

Многим рыцарям в те времена было по 16, а их возлюбленным по 14 лет... А к 35 – ни тех, ни других часто уже не было и в живых...

– Ну вот что, – сказал сэра Гавейн, оставьте свои стенания, а я клянусь Вам жизнью сделать всё, что в моей власти, чтобы добыть Вам любовь Вашей дамы.

– А откуда Вы? – спросил сэра Пелеас.

– Сэр, я состою при дворе короля Артура, я племянник его, сын его сестры. Имя же моё – сэра Гавейн.

– А моё имя – сэра Пелеас, и по сей день не любил я ещё ни одной дамы или девицы. О, сэра рыцарь! Поскольку Вы близкий родич королю Артуру, то окажите мне помощь, ибо никогда мне не добиться её любви без помощи какого-нибудь знатного рыцаря. Она живёт в неприступном замке, здесь, поблизости, и мне иначе к ней не проникнуть, как только позволив её рыцарям меня схватить. А от неё я не слышал ещё и доброго слова. Когда меня к ней приводят, она насмехается надо мною и не даёт мне ни есть, ни пить. А потом мне возвращают коня и доспехи и выпроваживают за ворота. Я всякий раз предлагаю ей остаться её пленником, чтобы только видеть её каждый день, но она не соглашается, несмотря на все мои страдания. "Ну, – сказал сэра Гавейн, – я знаю средство всё это исправить, если только Вы послушаетесь моего совета. Я облачусь в Ваши доспехи и поскачу в её замок, и скажу ей, что я Вас убил. Она за это будет ко мне ласкова и примет меня благосклонно, и вот тогда-то я и исполню мой дружеский долг, и Вам непременно достанется её любовь".

Тут поклялся сэра Гавейн честью сэру Пелеасу, и оба они дали клятвы верности, а потом обменялись конями и доспехами ...

... Когда уверилась леди Этарда, что это не сэра Пелеас пригласила его спешиться и провела его в замок. Там она стала его допрашивать, верно ли, что он убил сэра Пелеаса. И он уверил её в этом. "Воистину, – сказала она. Это превеликой жалости достойно, ведь он был прекрасный рыцарь. Но изо всех мужчин на свете я более всех его ненавидела, ибо не было мне от него ни минуты покоя. И раз Вы его убили, то я к Вашим услугам и всё готова сделать по Вашему изволению". Сэра Гавейн сказал ей, что он любит одну даму, а она ни за что не хочет полюбить его.

- Эта дама достойна порицания, – сказала Этарда. Ведь вы такого высокого рождения.
- Обещаете ли Вы мне, – спросил её сэр Гавейн, – поклянетесь ли Вы душою и телом сделать всё, что только сможете, чтобы мне досталась любовь этой дамы?
- О да, сэр. Я Вам клянусь в этом.
- Ну вот, – сказал сэр Гавейн. – Та дама, которую я очень сильно люблю, – это Вы сами, и потому исполняйте своё обещание.
- Ничего не поделаешь, – сказала леди Этарда, – раз уж я дала клятву.

И она согласилась исполнить его желание...

Вечером они с сэром Гавейном ужинали в шатре, и было им там постлано ложе, и они возлегли на то ложе вдвоём. И провели они в этом шатре вместе два дня и две ночи. А тем временем сэр Пелеас облачился в доспехи, сел на коня и прискакал к воротам замка, где стоял шатёр... Как увидел он сэра Гавейна, лежащего на ложе в обнимку с его дамой, леди Этардой, так сердце его едва не разорвалось от боли, и сказал он: "Увы! Как рыцарь может быть столь вероломен?!" И снова сел на коня, потому что от горя не в силах был более там оставаться. Но не отъехав и на полмили, повернул обратно, ибо решил зарубить их обоих. Однако, увидев их крепко спящими в объятьях друг друга, сказал себе: "Пусть этот рыцарь и вероломен, я не стану убивать его спящего, никогда я не нарушу правил высокого Рыцарского Ордена". И опять поскакал прочь. Но снова, не проехав и полмили, повернул коня, решившись их всё же убить, и по пути прегорестно стенал и плакал. Вот подъехал он к шатру, привязал коня к дереву, и, подняв в руке обнажённый меч свой, пошёл туда, где они лежали. Но опять подумал, что позорно ему убивать их спящих. Положил он обнажённый меч свой им поперёк горла, сел на коня и ускакал прочь.

Вернувшись к своим шатрам, поведал сэр Пелеас рыцарям своим и оруженосцам о том, что увидел, и так сказал им: "За верную вашу и честную службу отдаю вам всё моё имущество, а сам я сейчас лягу в постель и буду лежать, не вставая, пока не умру. Когда же умру, то, велю вам, выньте сердце у меня из груди и отнесите ей на серебряном блюде под серебряной крышкой и расскажите ей о том, как я увидел её на ложе с вероломным рыцарем Гавейном". И с этими словами совлек сэр Пелеас с себя доспехи и лёг на своё ложе, прегорестно плача.

А сэр Гавейн и леди Этарда пробудились ото сна и увидели, что у них поперёк горла лежит обнажённый меч. И леди Этарда узнала меч сэра Пелеаса. "Увы! – сказала она, – сэр Гавейн, Вы предали сэра Пелеаса и меня, ибо Вы сказали, что он Вами убит. А ведь поступи он с Вами так же неблагородно, как Вы с ним, – мы с Вами были бы сейчас мертвы"...

Тут сэр Гавейн собрался и ускакал в лес.

Случилось же так, что Владычица Озера Нинева узнала, что приключилось с сэром Пелеасом. "Отведите меня к нему, – сказала она, – и я спасу ему жизнь. Он не умрёт от любви, а та, что внушила ему столь безнадежную любовь, в скором времени сама окажется в таком же положении, ибо не будет радостей для такой гордой дамы, которая не желает жалиться над столь доблестным рыцарем"...

Увидела она сэра Пелеаса лежащим на ложе и подумала, что никогда ещё не встречался ей рыцарь прекраснее. И тут же навела она на него свои чары, так что он вдруг

крепко уснул. Сама же ускакала прочь. Не прошло и двух часов, как она вернулась вместе с леди Этардой. "Взгляните, – говорит Владычица Озера, – стыдиться Вам должно, что Вы губите такого прекрасного рыцаря". И она навела на леди Этарду свои чары, и та полюбила сэра Пелеаса так сильно, что чуть не лишилась рассудка. Тем временем пробудился сэр Пелеас, и, взглянув на леди Этарду, узнал её, а узнав, возненавидел больше всех женщин на свете. И сказал он так: "Исчезни с глаз моих навсегда!" Леди Этарда, услышав такие его слова, стала плакать и убиваться, как безумная, и вскоре умерла от горя. А Владычица Озера утешила сэра Пелеаса с радостью, и они любили друг друга всю жизнь.

* * *

Рассказ о битве короля Артура с великаном на горе Св. Михаила:

Явился к королю Артуру один местный поселянин и обратился к нему с дивными словами: "Сэр, здесь по соседству находится страшный генуэзский великан, и он мучает твой народ. Пятьсот наших детей он пожрал за последние семь лет. И этого обжоре мало. Во владении Константина он убил и пожрал всех детей мужского пола. А нынче ночью он схватил герцогиню Бретонскую, когда она ехала вдоль берега со своей богатой свитой, и уволок её вон на ту гору, дабы насиловать её, покуда она не испустит дух". "Увы! – сказал король Артур. – Это страшное злодейство"...

И вот сэр Артур облачился в свои доспехи, надел кольчугу и панцирь и взял широкий щит. И приблизился он к своему коню, и поднялся в седло, и пустился вскачь, и вскоре повстречал своих двух рыцарей в добром облачении. Пустились они рысью без долгих речей. Едут вместе по богатому краю, а вокруг весело распевают птицы... Оставив своих рыцарей у подножья горы, король Артур поднялся на самую вершину и вдохнул освежающего холодного ветра, а потом пошёл между двумя ручьями и увидел два костра, полыхающих до самого неба. Подле одного из костров он нашёл вдовицу, ломающую руки над свежей могилой. Приветствовал её Артур и спросил, о чём она так убивается.

– Увы! – отвечала она, – бедный ты рыцарь! Слишком громок твой голос. Вон там сидит страшный злодей, который убьёт нас обоих. Не к добру ты здесь оказался... А лежит здесь погубленная герцогиня, краше которой не было на свете. Он убил её безо всякого сожаления – учинил над нею грязное насилие и разорвал её до самого пупа.

– Дама, – сказал король. – Я прибыл от благородного Завоевателя, короля Артура, и мне поручено рассчитаться за его подданных с этим тираном.

– Ни во что он не ставит твоего короля, как и любого другого человека, – сказала она. Вот если бы ты привёз сюда Артурову жену, леди Гвиневеру, ей бы он обрадовался больше. А раз ты не привёз королеву, то держись от него подальше. Ты не знаешь, что учинил он над пятнадцатью королями? Он сшил себе плащ, униженный драгоценными камнями, и оторочил его бородами пятнадцати королей. А бороды они прислали ему в подарок на Рождество (!), желая тем самым спасти своих подданных. Здесь же, на горе, он засел ради жены короля Артура. Ты застанешь его сейчас за трапезой, он ужинает шестью младенцами, закусывает соленьями да вареньями и запивает дорогими винами. А вертелы ему крутят три прекрасные девицы, которым затем предстоит взойти на его ложе, и все три умрут, не пройдёт и четырёх часов, как будет сделано грязное дело насыщения его плоти.

И поднялся король Артур на вершину холма и оттуда увидел: сидит великан без штанов в одиночестве за ужином, гложет ногу человеческую и греет у костра свои ляжки. А три девицы вращают три вертела, а на вертелах новорождённые младенцы числом двенадцать нанизаны, точно куропатки. И при виде этого горестного зрелища облилось кровью королевское сердце. И обратился он к великану с гневными словами: "Ах ты, вор! Да поразит тебя Тот, кто владеет миром! Ибо ты мерзейший негодяй, когда-либо живший на свете, и кормишься по-злодейски, дьявол да заберёт твою душу! Готовься же, пёсий сын, ибо сегодня ты умрёшь от моей руки!" Зарычал и завыл тут грязный обжора. Клыки у него были как у гончей собаки и более мерзкого зрелища не видывал человек. Был он с головы до ног высотой и толщиной в пятнадцать локтей. Вот вскочил он грозно на ноги и схватил свою дубину, кованую железом. Замахнулся он на короля своим оружием и сшиб с его головы королевскую корону. Король же загородился щитом и поразил великана мечом прямо в лоб, так что клинок пробил кость и впился в мозг. Но великан всё наступает на сэра Артура. А король чуть пригнулся и с размаху поразил его в ляжку и отсек ему срамные части. Взвыл, взревел великан и ещё яростнее ударил дубиной, да промахнулся и не задел сэра Артура, а взрыл дубиной в земле борозду глубиной три фута. Тут подскочил к нему король и нанёс ему мечом удар такой силы, что раскроил ему череп, и хлынула кровь, запятнав кругом и траву, и землю. Отшвырнул тогда великан дубину, обхватил короля своими ручищами и так его сдавил, что у короля затрещали рёбра. И повалил злодей Артура наземь, и покатались они оба по кустам и камням, сжимая один другого в железных объятьях. И оказывался Артур то сверху, то снизу. И так, борясь и кувыряясь, скатились они по склону горы, не разжимая рук до самой кромки воды. Но катясь вниз, Артур всё время разил и колол великана кинжалом, вонзая его по самую рукоять, а упав с горы, великан сломал себе сразу три ребра. По счастью, случилось так, что свалились они как раз на то место, где поджидали Артура два его рыцаря. "Дивлюсь я, – пошутил один из рыцарей, – неужто Святой Михаил таков собою? В таком случае, как Господь наш терпит его у себя на небе?!" Засмеялся король и сказал: "Этого "святого" я захватил, едва не поплатившись жизнью. Отрубите ему голову и выставьте её на стене городского замка всем жителям этой страны на осмотрение. А сейчас поднимитесь на эту гору и принесите мне щит мой и меч, да захватите тяжёлую дубину. А если будет вам охота до сокровищ, берите там всё, что захотите. Мне же отдайте только плащ и дубину, а больше мне ничего не надо"...

*

Вот доблестные рыцари Круглого Стола скачут в самую гущу сраженья, наставив крепкие копыя, и многим от них досталось в тот раз; лишь самые доблестные рыцари остались на поле, а все, кто был слаб духом, обратились в бегство. "Клянусь богом, – сказал сэра Гавейн, – меня радует, что все эти парни разбежались, ведь их было слишком много".

[Ланселот]: Если Вам когда-нибудь будет нужда в моей службе, прошу Вас, меня о том оповестите, и, как есть я верный рыцарь, я всё непременно исполню.

"И, как есть я верный рыцарь"... С каким замиранием сердца читали, должно быть, эти слова четырнадцатилетние леди...

Прекрасная девица, – отвечал сэра Ланселот, – невозможно запретить людям говорить обо мне то, что им нравится. Что же до женитьбы, то жениться нет у меня намерения, ибо тогда я должен буду спать с женой и оставить брань и турниры, походы и приключения. А любиться и тешиться с разными женщинами я не согласен, более всего – страха Божия ради, ибо странствующим рыцарям не должно быть прелюбодеями и распутниками, иначе не будет им удачи на войне, либо одолеет такого рыцаря кто-нибудь попроще родом и званием, либо же, по несчастной случайности, себе на беду он сам убьёт человека лучшего, нежели он.

– Тогда, любезный рыцарь, я прошу Вас, – говорит девица, – поцелуйте меня один только раз.

– Нет, – отвечал сэра Ланселот, – не могу. Бог не велит (!)

*

– Дивно мне, что Вы за человек? Ибо не иначе как Вы благородного происхождения, потому что ни одна женщина так не глумилась, не издевалась над рыцарем, как я над Вами – Вы же переносили всё с неизменной учтивостью. А это даётся лишь людям благородной крови.

– Любезная девица, – отвечал Бомейн, – не много стоит тот рыцарь, который не выказывает кротости даме. Что ни говорили Вы мне, я не придавал Вашим словам значения – ведь чем больше Вы меня бранили, тем больше возрастал мой гнев, а я обращал его на тех, с кем сражался.

Так он и сделал по её наказу... Но тайной это ни для кого не осталось, все их намерения были угаданы, ибо оба они были молоды и нежны возрастом и в подобных ухищрениях неопытны.

[Тристрам]: Благородные лорды! Наступило мне время с вами расстаться. Если есть среди вас кто-либо мною обиженный, претерпевший от меня оскорбление, пусть выскажет сейчас свою обиду и перед тем, как мне уехать, я постараюсь возместить её по моим силам. И если есть среди вас кто-либо, замысливший причинить мне зло или сказать обо мне дурное, или за спиной у меня меня опозорить, пусть говорят сейчас или никогда, и я готов с ним встретиться сейчас лицом к лицу и грудью отстоять свою правоту.

! А убийства в те времена почитались за измену.

Тристрам и Изольда в Замке Рыданий

... Когда сэра Тристрам с прекрасной Изольдой оказались в темнице, пришёл к ним туда какой-то рыцарь, чтобы развлечь их беседой. Сэр же Тристрам так сказал этому рыцарю: – Для какой причины владелец этого замка держит нас в заточении? Ибо ни в одном месте, где уважается честь, не приходилось мне встречать такого обычая, чтобы попросивших приюта рыцаря и даму сначала приняли, а потом схватили и бросили в темницу.

– Сэр, – отвечал рыцарь, – таков старинный обычай этого замка, чтобы всякий приезжий рыцарь непременно сразился с нашим господином, и кто окажется слабейшим – тому

голову долой. А если дама, что с ним приехала, окажется собою безобразнее, чем супруга нашего господина, то и ей отсекут голову. Если же она превосходит красотой нашу госпожу, тогда лишится головы владелица этого замка.

– Это безобразный обычай и постыдный, – сказал сэр Тристрам. Но на моей стороне есть одно преимущество: моя дама собою так хороша, что по недостатку красоты не лишится головы. Я же, прежде чем потеряю свою голову, буду биться в честном поединке. Передайте своему господину, что завтра с утра я буду готов к бою за себя и за мою даму, если только мне вернут моего коня и доспехи.

– Сэр, – отвечал рыцарь, – обещаю Вам, что Ваше желание будет исполнено. А потому, ложитесь-ка спать, а завтра вставайте пораньше и будьте готовы. И Вы, и Ваша дама ни в чём не будете иметь недостатка.

И с тем он вышел. А назавтра, рано поутру тот же рыцарь явился к сэру Тристраму, вывел его и его даму на волю, вернул сэру Тристраму его коня и доспехи и наказал ему готовиться к бою, ибо все сословия того герцогства уже собрались на поле, чтобы наблюдать поединок и суд. И вот явился сэр Брюнор – герцог того замка – ведя за руку свою даму. И спросил он сэра Тристрама, где его спутница.

– Ибо если твоя дама прекраснее собою, нежели моя, тогда бери свой меч и отсеки моей даме голову. Если же моя дама прекраснее твоей, тогда я должен буду отсечь голову твоей даме.

– Сэр, – отвечал Тристрам, – это безобразный обычай. Чем лишиться головы моей даме, пусть уж лучше отсекут голову мне.

– Нет, – сказал сэр Брюнор, – дамы предстанут пред судом, и одна из них получит то, что ей причитается.

– Я не согласен, – отвечал сэр Тристрам. – Ибо здесь нет никого, кто мог бы судить по справедливости. Я-то знаю, что моя дама прекраснее твоей, а кто не верит – пусть рискнёт своей головой.

И с тем сэр Тристрам вывел вперёд прекрасную Изольду и трижды прошёл с нею по кругу, держа в руке обнажённый меч. Так же и сэр Брюнор трижды прошёл по кругу со своей дамой. И все, кто там присутствовал, высказали суждение, что из двух дам прекрасная Изольда и лицом красивее, и станом стройнее. Да и сэр Брюнор понял, что никогда в жизни не встречал он дамы прекраснее, и подумал он, что не иначе как быть его супруге без головы.

– Мне жаль, что этой даме предстоит лишиться головы, – сказал сэр Тристрам. Но за то, что вы завели тут этот злой обычай, за то, что по вашей вине погибло много добрых рыцарей и прекрасных дам, следует убить вас обоих.

– Да поможет мне Бог, сказал сэр Брюнор. – Ибо и вправду твоя дама прекраснее моей. Хоть и обидно мне это признавать, но я слышу, что и весь народ так потихоньку говорит. А потому, если ты убьёшь мою даму, тем лучше: потому что я убью тебя, и твоя дама будет моей.

– Ну за это тебе придётся заплатить, – сказал Тристрам. – И, поверь мне, – недёшево. А за злой твой обычай – отдавай-ка сюда свою даму!

И сказавши это, Тристрам шагнул к супруге сэра Брюнора и одним ударом отсек ей голову.

– Ну что ж, рыцарь, – говорит сэр Брюнор. Этим ты причинил мне страшное оскорбление. А теперь садись на коня, и раз уж я остался без дамы, то я отвоюю даму у тебя...

... Сэр Брюнор был боец многоопытный и погубил к тому времени уже немало добрых рыцарей, так что сожаления было достойно, что он так зажился на этом свете. Долго бились они, и оба уже были жестоко изранены. А под конец сэр Брюнор сжал сэра Тристрама в своих объятьях, чтобы его задушить, ибо он очень полагался на свою силу. Но сэр Тристрам отшвырнул сэра Брюнора прочь, и тот упал ничком. И тогда сэр Тристрам распутил завязки его шлема и отрубил ему голову.

*

– Сэр, Вы не по-рыцарски со мною поступаете, позволяя всем Вашим людям нападать на меня одного. А ведь Вы казались мне благородным рыцарем.

! – Ничего не поделаешь, – отвечал сэр Галахальт.

! По дороге случилось сэру Карадосу повстречать сэра Ланселота, и тот сразу же признал сэра Гавейна в связанном рыцаре, что лежал поперёк седла.

– А, это Вы, – сказал сэр Ланселот сэру Гавейну, – Как дела?

– Хуже некуда, – отвечал сэр Гавейн, – вот, разве только Вы мне поможете.

Увы! Зачем должны биться между собою тот кого я любила, и тот, кого я никогда не полюблю? Но всё же мне прегорестно было бы видеть, как падёт зарубленный сэр Паломид. Я-то знаю, что, когда кончится поединок, сэр Паломид будет мёртв, а ведь он некрещёный, и я не хотела бы, чтобы он умер сарацином.

Хоть сын кобылы и отказался мне служить, сын королевы – к твоим услугам!

Я не из тех, кто может возненавидеть благородного рыцаря из-за легконравной женщины.

[Ланселот], узнав содержание письма, так огорчился, что бросился на своё ложе и крепко уснул (!) Об этом прознал сэр Динадан, ибо такой у него был обычай, что он был в близкой дружбе со всеми добрыми рыцарями.

Такой у него был обычай...

Не сомнения, – сказал сэр Тристрам, – что, как бы могуч и храбр ни был рыцарь, его всегда можно одолеть числом. Мужество не многого стоит, когда оно не подкреплено рассудком, и, не потеряв своей головы, я, может быть, ещё спасу и чужие головы.

Вскоре сэр Паломид услышал вокруг себя горькие стоны и громкий плач. "Мне не по сердцу слышать эти звуки, и потому я непременно желаю узнать, что они означают", – сказал он.

Когда подъехал сэр Паломид к городу, там его встретили очень радостно. Видят все, что он не слишком стар, не слишком молод, собою ладен, строен и могуч, лицом чист, руки-ноги целы; и оттого (!) весь народ возносил ему хвалу.

! Сэр Тристрам пустил вскачь своего коня и со всей мощью ударил сэра Паломида копьём, и копьё разлетелось на сотню кусков. Тогда сэр Тристрам выхватил меч свой, снова

повернул коня и обрушил на голову сэра Паломиды шесть могучих ударов. А сэр Паломид стоял и глядел на сэра Тристрама и дивился его пылу и его неразумию. И сказал себе сэр Паломид: "Этого сэра Тристрама даже и без доспехов теперь не удержишь от боя". (!)

[сэр Борс] поглядел вверх и увидел над собою в ветвях старого дерева огромную птицу. Дерево же было всё сухое, без единого листа, и птица сидела на верхушке, а вокруг были птенцы её, полумёртвые от голода. И видит он, как эта птица ударила вдруг себя в грудь своим большим острым клювом, и хлынула кровь у неё струёй, и она тут же поникла, мёртвая, среди своих птенцов. Но птенцы её молодые обрели жизнь с кровью этой птицы.

Будто бы очутился он [сэр Борс] перед большим домом, похожим на церковь, и там нашёл он скамью; слева же от неё стояло гнилое, червями источенное дерево, а справа росли два цветка наподобие лилий, и одна лилия словно бы клонилась к другой, дабы похитить у неё всю белизну. Но какой-то добрый человек развёл их, так что они уже не касались одна другой. И тогда из обоих цветков выросло ещё по многу цветов и плодов в изобилии.

Доброму человеку грозит лишь тогда опасность, когда он находится во власти труса.

В наши дни [1470 г. !] люди и недели не могут любить, чтобы не удовлетворить всех своих желаний. Такая любовь недолга, и это понятно: когда так скоро и поспешно наступает согласие, столь же скоро приходит и охлаждение.

И как зимние стужи всегда побеждают и изгоняют зелёное лето, так же бывает и с непостоянной любовью, ибо многим людям свойственно непостоянство: мы всякий день видим, как с первым же дыханием зимних холодов забывают и забрасывают, как безделицу, старую любовь, которая на самом деле драгоценна. И в этом нет мудрости, но лишь слабосилие природы и великое нечестие, кто бы так ни поступал.

***